

КРОВЬ ЗВЕЗДНОГО ПРАХА

ЕВГЕНИЙ ФЮЖЕН

Евгений Фюжен

Кровь Звездного Праха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73407593

SelfPub; 2026

Аннотация

Небо этого мира однажды разорвалось, звёзды осыпались прахом, а драконы исчезли – вместе с памятью о том, как дышало само время. Хронист Арсен Радарь упрямо продолжает записывать запретные хроники и случайно становится «пером» древнего дракона Дельтаира, чьё дыхание способно переписать реальность. Алхимическая дочь Эллина, в чьей крови живёт огонь, и инквизитор Энн Тайр, потерявший собственную тень, оказываются втянуты в игру между новой религией Без Неба и возвращающимся дыханием мира. Это история о памяти и забвении, человеке и драконе, любви, способной изменить архитектуру времени, и о том, что происходит, когда хроника перестаёт быть текстом и становится самым бытием.

Содержание

Часть 1. Начало	4
Глава I. Пепел и хроники	4
Глава II. Кровь алхимика	8
Глава III. Шёпот чешуи	13
Глава IV. Город без тени	18
Глава V. Воздух и кровь	23
Глава VI. Исповедь Дельтаира	28
Глава VII. Суд над памятью	33
Глава VIII. Конец дыхания	38
Глава IX. Тишина, которая дышит	42
Глава X. Первое дыхание	46
Часть 2. Рассвет	54
Глава I. Пыль, что помнит свет	54
Глава II. Дети немого света	58
Глава III. Песнь возвращения звёзд	62
Глава IV. Невесомое сердце	67
Глава V. Голос без имени	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Кровь Звездного Праха

Часть 1. Начало

Глава I. Пепел и хроники

Мир ещё не остыл после той ночи, когда небо разорвалось на две половины.

С тех пор звёзды горели иначе – не стыдливо, как прежде, а с надрывом, словно каждое светило жгло себя изнутри, напоминая людям: память имеет цену.

Арсен Радарь сидел у окна старого дома, что стоял на склоне разрушенной обсерватории. Утро было серым, как старая пергаментная карта, и пахло гарью – в окрестных долинах сжигали древние рукописи. “Избавляются от пепла прошлого,” – говорил глашатай на площади, – “ибо в нём, как в мокром порохе, тлеет зло.”

Арсен писал вопреки.

Чернила на его пальцах светились слабым, едва живым золотом – это был состав из растёртых костей морских улиток и чешуи забытых рыб. Бумага, которую он использовал, шуршала, как кожа старого зверя, – потому что ею и была.

“Если мир жжёт воспоминания, – писал он, – значит, память сильнее мира.”

Снаружи город Ков'Нар встретил рассвет – бесшумно. Там, где раньше звенели колокола храмов драконов, теперь были трубы новой веры – Веры Без Неба. Люди боялись поднять взгляд выше крыш: тем, кто осмеливался смотреть в небо, привиделись очертания живых облаков – как будто те ни древних крыльев всё ещё кружили над людской землёй.

Арсен помнил, как его отец, Радар Стари, однажды сказал, что небо живёт под кожей каждого человека. “Мы дышим им, сын. И если его лишить нас – мы станем прозрачными”.

Теперь отец бродил по руинам, бормоча свои безумные формулы.

Утро медленно растягивалось, и Арсен, поднявшись из-за стола, вышел на улицу. Воздух пах ржавчиной, пеплом и цветами чёрного терновника, которые в этом краю цвели даже зимой – как будто не покорялись законам времени.

По мостовой шёл караван ремесленников: они вели за собой повозки, гружённые металлическими кубами – оплавленные книги. Кто-то кричал с крыши:

– Больше не будет мифов! Только отчёты и приказы!

Арсен усмехнулся.

Он слышал это сотни раз – но в каждом крике, в каждой маниакальной радости чувствовалась паника. Люди боялись не мифов, а того, что мифы могут вернуться.

В старом водяном колесе, что давно остановилось, Арсен держал свои тайные свитки. Когда-то эти колёса снабжали

город энергией, пока алхимики не исчезли, а инквизиция объявила алхимию “языком мёртвого огня”.

Сегодня колёса стали убежищем.

Там пахло холодной медью, порченными чернилами и чем-то неживым, будто воздух стоял века. Арсен зажёл круглый фонарь – пламенем золотой живицы, которую он сам добывал на болоте, где деревья росли вверх корнями.

Он перебирал старые записи – хроники времён, когда драконы ещё говорили с людьми.

Слова были выжжены на чешуйчатых кусках пергамента, и при свете фонаря казалось, будто они дышат.

“Когда дракон произносит имя человека, тот слышит его ещё до рождения.”

“Когда человек произносит имя дракона – время на миг останавливается.”

Эти фразы были не записями – заклятиями. И, пока Арсен их перечитывал, тишина вокруг стала плотной, как вода. Свет фонаря дрогнул.

Из глубины тоннеля донёсся слабый шум – будто кто-то дышал в ответ.

Он поднял фонарь – и пламя качнулось, в отражении медного свода мелькнула огромная тень.

Не человеческая. Не звериная.

Она задержалась на долю секунды, вытянулась вдоль стены – и исчезла.

В воздухе остался запах озона.

Когда Арсен выбрался наружу, снег уже начинал падать крупными, прозрачными хлопьями. Они не таяли, касаясь земли, – просто рассыпались искрами, как стекло, тронутое током.

Так снег шёл лишь однажды, рассказывал Радар Стари. В ночь, когда звёзды рассыпались, а драконы исчезли.

Именно тогда остановилось колебание гигантских крыльев времени.

Но, возможно, крылья просто стали тише.

Арсен долго стоял под снегом и чувствовал странную тяжесть в ладонях – будто на коже его, невидимо, отпечатывалась чешуя.

И где-то – не рядом, но в самом воздухе – прозвучал голос. Не звук, а дыхание фразы, лёгкое касание мысли:

“Ты пишешь хронику, человек. Но разве ты знаешь, чьё перо в твоей руке?”

Он не ответил.

Потому что понял: с этого дня писать – значит слушать.

Глава II. Кровь алхимика

Ночь в Ков'Наре была серой, как дым забытого костра. Ни луна, ни звёзды не глядели на землю – они будто отвернулись, как старые свидетели, уставшие от человеческой вины.

Арсен шёл по узкой улице, где камни мостовой скрипели, словно кости под ногами. В каждой тени чудился взгляд, в каждом звуке – значение.

Он шёл туда, где, по словам безумца на площади, “ещё течёт красная ртуть алхимика”.

Дом, в который он вошёл, был стар, но не мёртв.

Пахло горячим железом, копчёными травами и чем-то пряным, как кровь, недавно смешанная с вином. На стенах – медные спирали, шербохатые фиалы, сосуды с густыми отблесками, в которых плавали отблески, похожие на кусочки утреннего света.

У очага сидела девушка.

Она не подняла взгляд, когда Арсен вошёл. Казалось, знала, кто придёт и зачем. Её рука двигалась медленно, почти лениво, разливая в сосуд красноватую жидкость, от которой воздух начинал дрожать.

– Ты нарушил запрет, хронист, – произнесла она. Голос её звучал мягко и гулко, как эхо в воде. – Теперь вопрос не в том, кто накажет. Вопрос – что проснётся.

Арсен остановился на пороге. Ему показалось, что комна-

та дышит не воздухом, а ртутным паром.

– Моё имя знают только книги, которые никто не читает, – тихо ответил он. – Но ты сказала “проснётся” – кого ты ждёшь?

Она подняла глаза.

То были глаза человека, но над их зрачками мерцали тонкие, почти незаметные нити – как микроскопические молнии, как следы от разряда между памятью и мгновением.

– Меня зовут Эллина, – сказала она. – Мой отец был алхимиком. Я – ошибка его формулы.

Она взяла фиал, и тот загудел, словно внутри что-то живое неудовлетворённо пошевелилось.

– Люди говорят, будто кровь хранит душу. Моя – хранит огонь. Не метафору, а саму плоть пламени.

Она поднесла руку к свече – и пламя свечи, словно узнав сестру, стало вытягиваться, дрожать, подниматься, пока не зависло между ними.

Пламя улыбнулось – живое, разумное, как детская тень в прозрачной воде.

– Ты не боишься меня, хронист? – спросила она.

– Бояться смысла нет, – ответил Арсен. – Я вижу в тебе не чудовище, а ответ.

– Ответы – яд, – едва слышно произнесла Эллина. – Их можно пить, но нельзя прожить с ними.

На столе между ними лежала металлическая пластина – выгравированные письма переливались так, будто текли

изнутри.

Арсен сразу понял – это не металл, а сплав из чешуи дракона и алхимического серебра.

Он протянул руку, но Эллина удержала его запястье.

Её пальцы были холодны, как поверхность звезды.

– Не трогай, – сказала она. – Эта форма откроется только тому, в ком есть след дыхания.

– Что за дыхание? —

– То, что даёт имя огню и забирает имя у смерти. Его звали Дельтаир. Он был последним... но не умер.

Арсен вздрогнул. Слова всплыли в памяти, будто их шептали раньше – в пещере, в тишине, в шорохе чешуи.

“Ты пишешь хронику, человек. Но разве ты знаешь, чьё перо в твоей руке?”

Ему почудилось, будто именно эти слова уже звучали однажды – не снаружи, а изнутри.

Эллина взглядела в него и чуть склонила голову.

– Ты слышал его? —

Арсен не ответил. Он слишком ясно знал: произнеси он «да» – и дорога назад исчезнет.

Она поняла без слов.

– Тогда слушай. Не он выбирает тебя. Это ты открыл дверь, которую никто не осмеливался тронуть.

На стене, среди реторт, висел портрет – старик с глазами, словно прожжёнными изнутри. Под ним подпись: «**Зараэль, алхимик последнего дыхания**».

– Это твой отец? – спросил Арсен.

– Да. Он пытался смешать кровь дракона и человека, чтобы воскресить то, что исчезло. Но алхимия не терпит гордыни – формула взорвалась. Мир тогда дрогнул. Люди решили, что это небесная катастрофа. На самом деле просто умер человек, перестав воспринимать границы мира.

Она медленно повернула голову; в её глазах мягко светился отражённый огонь.

– Я – часть его формулы. Его ошибка. Но, может быть, и спасение.

В этот момент за окном раздался низкий, гулкий удар, как будто ветер сломал стеклянную башню. Земля дрогнула. По потолку прошла трещина, и с неё посыпался красноватый песок.

Эллина вскрикнула и схватила Арсена за руку.

– Они услышали нас. Инквизиторы видят огонь даже сквозь стены. Уходим!

Но Арсен не двинулся. Он смотрел на пластину.

Символы на ней засияли – не светом, а чем-то иным, похожим на дыхание в морозе.

Из-под знаков выступил пар, и в нём начали складываться очертания – змеиная спираль, крылья, глаза.

“Ты пишешь мои хроники,” – произнёс тот же голос, теперь громче, глубже, чем ветер в скалах.

“И потому ты – продолжение моего дыхания.”

Эллина отпрянула – на мгновение в её зрачках сверкнули

узкие вертикальные прорези.

Пламя на стенах дрогнуло, вспыхнуло и погасло. В раздавшемся шорохе пепла Арсен увидел – чьи-то огромные тени пролетели за окном, словно небо стало жидким и в нём кто-то медленно поворачивался с другой стороны мира.

Молния разрежала небо. Над Ков'Наром поднялся столб света – не солнца, не огня, а живого сияния, терзающего облака.

Эллина дрожащим голосом сказала:

– Дельтаир. Он пробуждается.

И в тот миг Арсен впервые понял – хроники, что он писал, перестали быть историей. Они стали заклинанием.

Глава III. Шёпот чешуи

Ночь была тягучей, как ртуть, пролитая по небу.

Свет от многовековых башен Ков'Нара гас постепенно, будто город не хотел умирать сразу, а из вежливости уступал смерти – по одному окну, по одному дыханию.

Эллина и Арсен шли в сторону предгорий, туда, где начиналась старая тропа алхимиков, называемая “Синдромной трещиной” – узкий разлом в земле, из которого веяло вечностью и запахом угля.

Она не говорила ни слова. Её пальцы, холодные, словно натянутые струны, держали его за рукав.

Когда они покинули город, небо стало низким, густым. Снег сменился пеплом.

Арсен смотрел вперёд – и каждый шаг отзывался в воздухе знакомым эхом, будто кто-то ступал вслед, повторяя движение. Но#нуться назад он всё же не решился.

Они достигли каменных ворот, вросших в отвесную скалу. Контуры древних символов мерцали слабым синим светом, похожим на дыхание под толстым стеклом.

Эллина коснулась руны тыльной стороной ладони, и сквозь воздух прошёл мягкий дрожащий отклик – словно гора отозвалась.

– Здесь, – сказала она. – Здесь спит Дельтаир. Мы уходим в то место, где слова теряют вес.

Арсен сжал пергаменты, что носил при себе.

– Если он не человек, как он может говорить?

– Не спрашивай о языке, – тихо произнесла Эллина. – Каждое слово дракона – это не звук, а событие. Когда он говорит, меняется сам материал мира.

В воротах открылся узкий проход. Воздух внутри был сух и звенел тихо, как натянутая тетива.

Они вошли.

Тьма в пещере была не просто отсутствием света – она имела вес, густоту, запах. Она текла, движением напоминая дыхание.

Чем глубже они спускались, тем сильнее менялось их восприятие: тени переставали быть чёрными – приобретали металлический блеск, как будто отражали невидимое пламя.

Стены пульсировали. Порой казалось, что скала дышит.

Арсен едва дотронулся до камня – и прошёл по руке электрический импульс, как живой ток.

На секунду он увидел в сознании образы: бескрайние пустыни из костей, города, плывущие в воздухе, тысячи крыльев, уходящих в свет.

Всё длилось меньше мгновения, но оставило след, как ожог.

– Это он, – прошептала Эллина. – Он узнаёт тебя.

Они вошли в зал.

Он был огромен, как сама память: купол уходил в темноту, и где-то наверху сверкали точки – не светильники, а звёзды.

ды.

На полу медленно переливались узоры, похожие на волны. В центре – нечто огромное, спящее.

Сначала Арсен принял его за часть скалы. Потом понял, что это живая материя.

Тело дракона было похоже на смесь металла, минерала и пламени. Каждая чешуйка мерцала, словно маленькое зеркало мира. В каждой – виднелись обрывки иных пространств.

Из груди шёл свет – не огонь, а дыхание медленного жара, которое не гаснет и не горит.

Арсен сделал шаг вперёд.

Чешуя шевельнулась. Наступила тишина – не тишина зала, а более глубокая: остановился звук его сердца, перестало дышать время.

Он услышал.

Не голос – шорох, трение, лёгкий звон, будто струны огромного инструмента настроились на его мысли.

“Ты – хронист.”

“Ты – тот, кто пишет судьбу, не зная, чьими чернилами.”

Слова звучали прямо в сердце.

Арсен понял: язык дракона не требует слуха. Он вплетается в самую память.

Каждая мысль Дельтаира – кусочек изменённого реального мира.

“Я спал тысячу восходов, чтобы забыть, как горит бесконечность,” – произнёс дракон. – “И ты разбудил меня своим

пером.”

Арсен ощутил боль. Каждая буква, что он когда-либо писал, ожила внутри него – обожгла воспалённой реальностью. Он упал на колени.

Эллина стояла рядом, глаза её горели янтарным светом.

– Дельтаир не говорит, – сказала она, – он *помнит*. Всё, что он видит, – превращается в былое.

– Тогда кто я для него?

– Проводник. Он пишет через тебя.

Время переместилось.

Не секунды – сами века поменялись местами.

В глазах Арсена мир раздвоился.

Он увидел – на месте Эллины теперь стояла женщина из звёздного пепла, полупрозрачная, как дым, и смотрела на него глазами бесчисленных эпох.

“Ты писал, когда я ещё летел через мрак рождения планет,” – сказал голос Дельтаира. – “Теперь ты продолжаешь мою дыхательную спираль.”

С потолка упал кусочек звёздного вещества, растаял в воздухе, и в этот момент Арсен почувствовал, как всё – земля, кровь, воздух – сменило направление.

Время уже не шло вперёд. Оно вращалось вокруг них.

Эллина закричала. Её тело покрылось светящимися узорами – символы, похожие на письма алхимиков, но живые, пульсирующие.

– Он переписывает меня! – выкрикнула она. – Он делает

из моей плоти заклинание!

Арсен протянул руки к ней, но в этот миг оба исчезли из настоящего мгновения – их охватила волна света, как вспышка угасающего солнца.

Когда всё стихло, пещера вновь была пуста.

На камне, где они стояли, остались лишь пепельные следы.

Но на стене появилась новая надпись, как будто выгравированная без инструментов, самой энергией дыхания:

“Встреча хрониста и дыхания: первый поворот Времени начат.”

А под этой фразой дрожала чешуйка, чёрная и зеркальная.

В отражении – глаза Арсена. Хотя самого его уже не было.

Глава IV. Город без тени

Город проснулся без звука.

На рассвете воздух стал прозрачным, как стекло, но под этой прозрачностью чувствовалась трещина – не физическая, а временная. Солнце вставало, но не давало теней.

Люди выходили на улицы, увидев это странное сияние, – и стояли неподвижно, точно не решаясь моргнуть.

Ков'Нар с утра казался вылитым из меди: всё лишилось полутонов и запахов. Рынки молчали. Птицы исчезли. Даже флаги на башнях не двигались, будто забыли о ветре.

Энн Тайр стоял на балконе своей цитадели.

Инквизитор – высокий, худой, нервный человек с рукой, казавшейся длиннее другой, – держал металлический амулет и считывал его пульсацию. На чёрной поверхности инструмента вспыхивали световые знаки – память города.

– Энергетический аккорд смещён, – произнёс он, глядя на карту трещин. – Кто-то тронул дыхание.

Помощник, юноша в чёрных свёртках ткани, поднял голову:

– В южном секторе, господин, обнаружено пламя без топлива. Как будто кто-то зажёл огонь из воздуха.

Энн улыбнулся.

– Значит, алхимия дышит снова.

Он закрыл амулет. Рука его дрогнула – не от страха, а от

того особого волнения, которое испытывает охотник перед появлением добычи.

Он слишком долго ждал доказательств.

“Если дыхание проснётся, обрушится порядок,” – гласил догмат Церкви Без Неба.

“Человек будет снова пытаться стать богом.”

Тем временем Арсен лежал в подземных руинах старого квартала.

Прошло – он не знал, сколько. Время застыло. Свет тек, словно вязкая жидкость.

Он пришёл в себя и первым делом понял: он видел свои собственные мысли *извне*. Как будто сознание стало двухслойным. Внутри – тишина, снаружи – отражение мыслей, написанных в воздухе.

Рядом – Эллина. Без сознания. Её тело светилось тусклым янтарным свечением, которое ритмично гасло и вспыхивало – в такт дыханию города.

На полу рядом – чешуйка Дельтаира. Она мерцала, и каждый отблеск показывал иной зал, иные пейзажи: то горы из стекла, то моря, где звёзды плавали, как рыбы.

Арсен понял – чешуйка *смотрит*.

Издали слышались тяжёлые шаги.

Сначала – одно дыхание, потом десятки.

Механические жезлы, символы инквизиции, начали мерцать. Тянулся строй людей в броне, без лиц. Между ними – высокий силуэт Энна Тайра.

Эта сцена напоминала кошмарную процессию сна, но каждый звук был до боли реальным.

Арсен поднял Эллину. Она открыла глаза – зрачки её вновь были человеческие, но взгляд стал отдалённым, почти невидящим.

– Он близко, – прошептала она. – Я чувствую холод стали.

– Мы не успеем уйти, – сказал Арсен. – Если он верит, что мы – угроза, он не оставит нас.

– Тогда останется другой путь, – ответила Эллина и взяла чешуйку. Её рука засветилась. – Я покажу ему сон, в котором он забудет, кто он есть.

В тот миг своды обрушились: первый инквизитор вломился внутрь.

Энн Тайр шагнул сквозь клубы пыли. Свет вырезал половину его лица, и в другой половине Арсен увидел не ненависть – сомнение.

Именно это было страшнее.

– Хронист, – произнёс он, – я помню твои рукописи. Ты писал о мире, где драконы жили с людьми.

– Это не легенда, – ответил Арсен. – Это твоя память, просто тебе её запретили.

Слова эти зазвенели, как металл. Энн замер. В его глазах мелькнул блеск боли – как будто кто-то включил воспоминание, стёртое много лет назад.

Он шагнул ближе.

– Замолчи.

– Или вспомни, – сказал Арсен. – Вспомни, как небо когда-то дышало тобой.

Эллина подняла руку, и воздух вокруг начал искривляться: звуки растянулись, контуры тел стали дрожать. Зал наполнился тихим, глубоким шепотом – звук, похожий на шелест множества чешуек.

“Ты – не судья. Ты – забытый крылом.”

Это был голос Дельтаира. Он звучал неотвратимо и величественно, но не разрушал – *исправлял*. Каждое слово входило в сознание Энна, словно возвращая утраченные куски детства, молитв, сна, тьмы.

И тут город взвыл.

Все башни синхронно засияли белым светом. В каждом доме осыпались зеркала. Люди падали на колени, потому что не видели своей тени.

Тени исчезли.

Все, кроме одной – тени Арсена, которая вытянулась по полу, стала больше тела, расправила за спиной огромные, чешуйчатые крылья.

Энн Тайр в ужасе отступил.

– Что ты сделал?!

– Ничего. Это не моё, – сказал Арсен. – Это то, что всегда было подо мной.

Эллина стояла рядом, светилась всё ярче.

– Город стал зеркалом памяти. Кто не имеет души, не отражается.

– Тогда кто мы? – спросил Арсен.

– Мы – возвращённые. Не те, кто создаёт, а те, кто вспоминает.

Над городом поднялся рев. Он был не звуком, а вибрацией материи.

Из центра Ков'Нара, там, где когда-то стояла Церковь Без Неба, взметнулся серебряный столб света, разрезавший облака.

Люди ослепли. Инквизиторы кричали, но их голоса пропадали – они теряли имена.

Только Энн стоял неподвижно, глядя на Арсена.

В его зрачках отражались крылья.

Он тихо сказал:

– Если ты хронист, напиши моё имя, пока я ещё человек.

Арсен вытащил пергамент.

Чернила сами задвигались, выводя буквы: *Энн Тайр, тот, кто смотрел в дыхание.*

Когда последняя буква легла на бумагу, ветер прочёл это имя вслух. И вместе с ветром в город вернулись тени.

Но теперь они были другими: каждая двигалась отдельно от тела, шепча слова на неведомом языке – шорохом чешуи.

Так Ков'Нар стал городом, где **свет не отделялся от памяти.**

Глава V. Воздух и кровь

Ночь после возвращения теней была странно тиха.

Ков'Нар спал, как выжженное сердце – без пламени, но с памятью о нём. Ветер проходил по улицам осторожно, будто боялся разбудить тех, кто во сне ещё слышал шёпот чешуи.

Арсен и Эллина ушли на восток, туда, где начинались Ветреные Пустоши – равнины, где воздух имел форму и плоть. Здесь не росли деревья, зато на каждом шаге пустота издавала гул, словно кто-то где-то невидимый бил в огромный металл.

У горизонта стояли зеркальные скалы: они отражали не людей, а их мысли.

Арсен остановился у первой из них и увидел отражение не своего лица, а – огромные крылья из света. На их поверхности играло пламя, напоминающее дыхание Дельтаира.

– Он внутри меня, – сказал он. – Или я внутри него.

Эллина опустила глаза.

– Нет “внутри”. Ты стал его голосом. Но пока ты – человек, мир будет рваться на части.

Она прижала руку к груди – там под кожей что-то мягко светилось, будто пульсировала тёплая кость.

– Это кровь дракона, – тихо сказала она. – И она начала искать источник.

Арсен вспомнил, как ещё юношей мечтал о простых ве-

цах: о тепле очага, о строчках летописи, где слова послушны и безопасны.

Теперь слова подчиняли его. Они отзывались в воздухе, и всякий звук мог стать частью нового мира.

Он говорил, а за ним менялось вещество действительно-сти.

– Ветер, – произнёс он.

И ветер пришёл. Из песка поднялась волна – она не несла пыли, а только силу движения, чистую, неосязаемую, как первая мысль до рождения речи.

Эллина улыбнулась.

– Вот он – дракон в тебе. Он не сжигает. Он зовёт.

Но Арсен ощутил тревогу. Каждое проявление силы отзывалось болью – словно тело мало для света, который пытался развернуться в нём.

По коже шли мелкие трещины, из которых смутно мерцал красный свет. Кровь и пламя сливались.

Эллина подошла, коснулась его лица. От руки её пахло железом и дождём.

– Ты не должен держать его в себе. Открой дыхание. Позволь воздуху говорить.

– Тогда всё умрёт.

– Нет. Всё *родится заново*.

Они добрались до края Пустошей. Там начиналась долина Ветров, древнее место, где воздух всегда светился – будто само небо падало на землю в виде тумана.

Здесь драконы когда-то спали, закатываясь в песок как волны, оставляя после себя формы холмов и скал.

Эллина подошла к обломку гигантского рога, полуутопленного в земле. На нём были письмена – не начертанные, а *выросшие*. Они пульсировали в такт её сердцу.

– Это место помнит дыхание, – сказала она. – Здесь он воскреснет окончательно.

Арсен почувствовал, как чешуйка, спрятанная в его ладони, зашептала.

“Воздух – это не пространство. Это память, которую нельзя удержать.”

Он понял: Дельтаир говорил. Но не издалека, не сквозь время – *изнутри*.

“Ты разделил меня от себя, человек, но уже поздно. Воздух и кровь слились. Что ты чувствуешь – то чувствует небо.”

Арсен посмотрел на Эллину. Её волосы разлетались от невидимого ветра, кожа теплилась золотом.

Между ними тянулась сила – не телесная, не магическая: напряжение пространства, будто сама действительность дышит между двух тел.

Он шагнул ближе.

Они стояли лицом к лицу, и Арсен вдруг понял – он видит не её человеческое обличье, а поток форм: то крыло, то огонь, то очертание мира в миниатюре.

Её глаза отразили это: в них были и небо, и пропасть, и память их обоих.

Когда они прикоснулись, воздух вокруг вспыхнул. Но не светом – звуком.

Мир загудел, как струна. Из скал вырвался пар, похожий на дыхание спящего зверя. Над долиной поднялся вихрь.

“Ты соединил дыхание,” – сказал Дельтаир. – “Теперь ты – больше, чем хронист. Ты – хроника.”

Слово отозвалось внутри Арсена. Пульс ускорился, дыхание замедлилось – и небо стало ближе, чем кожа.

Он ощущал каждую молекулу воздуха, как память, как живое письмо.

Эллина держала его за руку – и кровь в их венах начала совпадать.

Он видел, как её сердце бьётся вспышками того самого изначального огня, который когда-то вырвался из алхимической формулы её отца.

И понял истину: их сила – не в разрушении и не в творении, а в **взаимопонимании между дышащими существами и тем, что дышит ими.**

Но любое соединение несёт жертву.

Неожиданно вихрь сменил ритм. Небо треснуло от света, словно кто-то солнцем ударил по звезде. Силы, сошедшиеся в них, начали расходиться – Эллина закричала.

– Он зовёт меня!

Арсен схватил её, но воздух вдруг стал густым, почти текучим.

– Не уходи!

– Это не уход, – прошептала она. – Это дыхание. Оно должно найти место.

Она попыталась разорвать связь, но внутри неё уже пульсировал тот же звук, что и в небе – частота, на которой спят звёзды.

Её тело дрогнуло, затем начало рассыпаться светом – не умирая, а превращаясь в пыль огня.

– Эллина!

– Не бойся... я – там, где твои слова дышат...

И ветер сдул её силуэт.

Арсен остался один.

Только воздух был плотен, как металл, и пах драконьим дыханием.

Он поднял взгляд – над горизонтом двигался огромный силуэт, медленно идущий по небесам.

Дельтаир.

Но теперь его форма была из человеческого света.

Крылья складывались и расправлялись, как страницы, а сердце билось тем же ритмом, что сердце Арсена.

Хронист понял: кровь Эллины смешалась с его воздухом.

И теперь каждый его вдох – это новое заклинание жизни.

Глава VI. Исповедь Дельтаира

Когда небо стало вновь светлеть, Арсен понял – свет исходит не от солнца.

Всё вокруг медленно текло: воздух, песок, время, даже его собственное дыхание.

Казалось, мир сдвинулся на полшага в сторону – и теперь каждое мгновение отражало само себя.

На равнине стоял огромный силуэт.

Он был слишком велик для горизонта, но глаза видел его целиком.

Дельтаир.

Дракон не касался земли – под ним висели слои воздуха, сверкающие, словно струи расплавленного зеркала.

В каждом движении крыла чувствовалось нечто, что нельзя описать простым словом: не сила, не гнев, а некая беспредельная память, которая излучала свет вместо тепла.

Арсен шагнул вперёд – и время вокруг него потекло по-другому.

Каждый его шаг длился не секунды, а века – и в то же время мгновение занимало вечность.

Ветер говорил, песок отвечал, отзвук шагов вплетался в ритм космоса.

“Ты пришёл, хронист,” – сказал Дельтаир.

Но это не был звук.

Каждое слово рождалось в сознании Арсена, словно его собственная память начинала говорить от имени кого-то древнее.

“Ты хочешь исповеди. Но исповедь – это человеческий способ оправдать вечность. Для меня вечность – болезнь.”

От слов этих воздух стал плотнее. Сквозь него пробились потоки золотого пепла, и в каждом крупине пепла Арсен увидел короткий взгляд другого времени: возникали лица, города, горящие небеса.

Мир показал ему память дракона.

Дельтаир говорил:

“Когда звёзды были молоды, мы – драконы – были их дыханием. Мы летали между ними, соединяя прошлое и будущее, чтобы время не распалось. Мы не были богами – мы были их дыханием. Мы удерживали ту грань, на которой мечта становится материей.”

“Но человек появился слишком быстро. Он научился не летать, а *думать* о полёте. Его мысли начали менять законы так же, как наши крылья. И мир не выдержал двух дыханий сразу.”

“Ты – потомок того столкновения. Твоя кровь – компиляция звезды и тела. Поэтому ты слышишь меня не словами, а памятью.”

Арсен стоял, медленно осознавая: то, что он считал вдохновением, вовсе не мысли, а живое притяжение чужой памяти.

Его перо, его хроники – всё были *отзвуки дыхания*, прошедшие через него в мир.

Он спросил:

– Если вы – дыхание, зачем вы исчезли?

Дельтаир молчал. Но тишина его не была беззвучной. в ней вращались тысячи фраз, будто сама Вселенная сперва переводила ответ на язык человеческих чувств.

“Мы не исчезли. Мы замкнули дыхание в самих себе. Мы стали горой, морем, временем. Но один из нас – я – усомнился. Я хотел, чтобы дыхание снова услышали. И тогда я вдохнул тебя.”

Арсен поднял голову.

Он чувствовал: каждое слово дракона превращало ткань воздуха в узоры света, а свет – в алфавит, из которого складывались мгновения.

“Ты создал людей,” – сказал он.

“Нет,” – ответил Дельтаир. – “Мы создали возможность. Люди родились из ошибки звезды, которая захотела помнить. Ты – не создание, ты – след попытки не забыть.”

Арсен вдруг ощутил жгучую боль. Свет из груди разорвал кожу – оттуда вырвался отблеск, похожий на дыхание Эллины.

Живая частица золотого пламени поднялась над ладонью.

“Она – часть меня?”

“Нет. Она – часть тебя, что сумела устоять между нами. Её род создали алхимики, желавшие искусственно возродить

дыхание. Они смешали кровь, но не поняли, что пламя – это не вещество, а память. Эллина была первой, кто это осознал. Она дала форме чувство.”

“Теперь ты несёшь оба огня: кровь человека и дыхание дракона. Но это нельзя удержать.”

Арсен попытался ответить, но язык стал слишком человеческим.

Он просто подумал – и Дельтаир понял.

“Если это тяжесть, заberi её.”

“Не могу,” – отозвался дракон. – “Ты – моё отражение в последнем времени. Если я заберу тебя, время снова сомкнётся и погибнет. Останется лишь молчание.”

Молчание, которое будет вечным, беспрекословным, как равнодушие камня.

Арсен почувствовал, что начинает растворяться.

Его кожа становилась прозрачной: сквозь неё мерцали звёзды.

Он стоял не на земле, а на свете.

Ни тела, ни дыхания – только осознание.

“Ты должен написать последнюю хронику,” – сказал Дельтаир.

“Какую?”

“Ту, что положит конец речи. Когда человек перестанет говорить, Вселенная обретёт покой. Тогда дыхание станет единым.”

Арсен опустил голову.

В руках у него появилось перо – но не из металла, а из света исходящего неба.

Под ногами вспыхнула поверхность – гладкая, как лист бумаги, но на ощупь прохладная, словно кожа ветра.

Он начал писать.

Каждая буква под его пальцами рождала новую реальность.

Он не знал, о чём – и всё же знал. Писал дыханием, а не словами.

И когда последняя строчка замерла в сиянии, над ним прогремел низкий голос, древний, как тьма до света:

“Теперь ты – я, а я – ты.”

Дельтаир раскрыл крылья.

Золотой шторм заполнил равнину, звёзды дрогнули.

Всё время мира – прошлое, настоящее и будущее – сложилось в одну ноту.

Арсен сделал вдох.

Вдох длился бесконечно.

Он почувствовал: небо дышит им.

Глава VII. Суд над памятью

Город, в котором теперь жил мир, не имел названия. Он возник сам собой на месте, где когда-то был Ков'Нар, – из песка, света и тихих голосов, что разговаривали без слов.

Никто не строил этот город: дома поднимались, когда их вспоминали. Камни формировались не от рук, а от памяти. Даже улицы шли не туда, куда хотели ноги, а туда, где думала душа.

Это был мир после дыхания.

Арсен стоял на площади, где воздух казался густым, как смола, и отражал всё, как зеркало. Люди вокруг молчали. Лица их были знакомы и чужды одновременно – возможно, это были не сами люди, а воспоминания о них.

На ступенях огромного зала, похожего одновременно на храм, суд и сердце, стояли инквизиторы – но без символов и оружия. Они пришли не судить, а *свидетельствовать*.

В центре площади висело множество прозрачных шаров – внутри каждого горел фрагмент света, словно там пульсировало чьё-то дыхание. Это были памяти.

Каждая хранила одну историю, одно существо, одно мгновение мира.

Когда Арсен вошёл, шары дрогнули.

В их свечении прозвучал Голос:

“Суд не над тобой, хронист,

а над тем, кто решился помнить.”

Он обернулся – Дельтаира не было.

Но в самом воздухе ощущалось его присутствие, мягкое и далёкое, как воспоминание снов.

Энн Тайр стоял впереди. За прошедшие дни он будто постарел на целое столетие. Его глаза стали прозрачными, как вода.

– Арсен Радарь, – сказал он устало. – Мир перестал отличать правду от памяти. Мы должны решить, кому принадлежит дыхание: людям или тем, кто создал их.

Арсен ответил:

– У дыхания нет владельца. Оно – круг. Всё, что ты выдыхаешь, возвращается в тебя, только позже.

Энн покачал головой.

– Тогда зачем ты пишешь?

– Чтобы не позволить миру раствориться без следа.

Голос, исходивший из воздуха, стал крепче.

“Память – это преступление против забвения.

Забвение – единственный закон, который сохраняет форму Вселенной.

Если каждый будет помнить, время разорвётся.”

Арсен обернулся – не к небу, а к самой тьме, из которой рождались звёзды.

– Если забыть всё, кто увидит сияние? Время не рвётся от памяти – оно растёт. Оно, как дерево: чем больше колец, тем старше и живее.

От этих слов стены зала задвигались.

На мгновение показалось, что они состоят из страниц, и каждая перелистывается ветром.

Энн поднял руку.

– Ты не понимаешь. Люди не могут выдержать дыхание. Когда ты слил воздух и кровь, многие потеряли свои тени – и с ними, разум.

– Может быть, это не потеря, – ответил Арсен. – Может, освобождение.

– От чего? – спросил Энн.

– От одиночества перед небом. Да, мы страдаем от того, что мир становится другим. Но разве страдание – не цена за осознание бесконечности?

Энн шагнул к нему ближе.

– Ты говоришь, как Дельтаир.

– Потому что я его часть. И ты – тоже, – сказал Арсен. – Просто ты ещё не услышал в себе дыхание.

Голос из воздуха усилился.

“Всё, что не примирено, должно быть уничтожено.

Если дыхание в людях приведёт мир к хаосу – их нужно заставить забыть.”

И вдруг воздух вокруг них начал пахнуть озоном, как перед бурей.

Сотни людей на площади закрыли глаза и зажали уши – из сфер памяти донёсся гул, будто все мысли мира заговорили разом.

Цепи света начали сворачиваться, уносить воспоминания из тел.

Энн посмотрел в небо:

– Они стирают нас!

Арсен закричал:

– Нет! Память нельзя уничтожить. Её можно только передать!

И тогда он поднял руку, где когда-то держал перо из света.

Нового пера не было – но сам воздух под его ладонью собрался в форму, сверкая ртутным блеском.

Он написал в пустоте одно слово: **"Вдох."**

Мир взорвался дыханием.

Шары памяти рассыпались – но не исчезли. Они вошли в людей. В каждом из стоящих появилась искра света, и каждый стал хранить одну историю, маленькую, но вечную.

Дельтаиров голос прозвучал тихо, как утренний ветер:

“Вот и суд. Не ты осознал суд, а суд – тебя.”

“Память больше не принадлежит мирам. Она есть мир. Каждый, кто жив – дыхание. Каждый, кто забыл – пепел, ожидающий своего имени.”

Площадь затихла. Люди стояли, и в их глазах отражались не драконы, не небеса – *воспоминания*.

Они не помнили, кто был раньше, но знали: когда дышат, они продолжают вечную историю.

Энн Тайр опустил голову.

– Значит, суд окончен, – сказал он. – Виновных нет. Есть

только напоминание.

Арсен посмотрел на горизонт – там, где начиналась радужная трещина, из которой когда-то возник Дельтаир.

Теперь она светилась не как рана, а как дыхание.

– Нет суда без памяти, – сказал он. – И нет памяти без дыхания.

Когда солнце опустилось, мир остался без света, но не в темноте.

Небо стало живым, прозрачным.

И каждый человек видел – дыхание мира идёт сквозь него.

С тех пор никто не называл себя просто человеком или драконом. Все стали частью хроники.

А в глубине времени тихо дышал Арсен,

и его дыхание было ветром,

а ветер – страницей,

на которой писалась вечность.

Глава VIII. Конец дыхания

Мир дышал.

Не быстро, не медленно – так, как дышит океан до расцвета, когда каждая волна знает своё место между тьмой и светом.

И где-то в глубине этого дыхания медленно пробуждалось сознание – не человеческое и не звериное, а *вселенское*, ткани которого были сделаны из памяти.

Арсен чувствовал, что больше не принадлежит телу.

Он стоял, но не на земле; шагал, но без движения; говорил, но без звука.

Его присутствие стало симметрией – равновесием между всем, что было, и всем, что ещё не случилось.

“Это конец?” – спросил он.

И голос, очень тихий, ответил изнутри дыхания:

“Нет. Это возвращение к началу. Там, где слово ещё не было словом, а мир – ещё не различал себя.”

Он видел теперь всё.

Песчинки на ветру – как крошечные солнца; горы – как вспышки снов древних флотов; каждого человека – как искру, несущую в себе неповторимое течение дыхания.

И понял: **всё живое – это форма памяти о первом вдохе.**

Арсен стоял посреди новой равнины.

Ни теней, ни времени.

Воздух светился – не от солнца, а самим фактом существования.

Дельтаир был здесь – не видимый, не осязаемый, но всё вокруг откликалось на его присутствие, словно каждая молекула вспоминала его имя.

“Хронист”, – сказал голос, в котором звучали сразу все звёзды. – “Ты написал всё, что можно было написать.

Теперь ты должен *стереть*.”

Арсен не понял:

– Если стереть, останется тьма.

– Тьма – тоже дыхание, только обратное. Без вдоха не будет выдоха, без конца не будет начала.

– Тогда зачем помнить?

– Чтобы знать, когда отпустить.

Слова Дельтаира наполняли пространство рябью света.

Эта рябь собиралась в очертания – напоминание о его обличье. Крылья, огромные, как горизонты, раскрылись, и тьма под ними оказалась светлее любого дня.

Арсен увидел – на одной чешуйке отражался целый мир.

Там жили люди Ков’Нара, смеющиеся, влюблённые, работающие, забывшие страх.

На другой – мир, где драконы парили над морями света.

На третьей – пустота, тихая и прекрасная.

“Все из них – мы. Мы вспоминаем себя через свои формы.”

Он ощутил боль – лёгкую, как прикосновение ветра.

Из груди исходило тепло – остаток человеческого сердца. Оно не билось, а пульсировало как нота, в которой слились любовь и память.

Там ещё был образ Эллины – сияющий, как отблеск последнего сна.

“Она жива?” – спросил Арсен.

“Она растворилась в дыхании, но дыхание помнит. Когда любой человек почувствует любовь – это она. Когда воздух дрожит от ветра – это её шаги. Когда ты дышишь – её голос живёт в тебе.”

Арсен закрыл глаза.

На мгновение всё исчезло – запахи, формы, свет. Осталось лишь мягкое ощущение присутствия.

И тогда он понял: **ранее он писал мир, а теперь мир пишет им.**

Каждая звезда, каждый звук – это строка, где чернилами служат дыхание и кровь.

Он – не автор и не герой, а часть текста, в котором Вселенная описывает саму себя.

“Теперь сотри последнюю строчку,” – сказал Дельтаир.

“Какую?”

“Имя.”

Арсен провёл рукой по воздуху.

Буквы, что висели в пространстве, начали тускнеть, исчезать, как следы на воде.

Когда исчезла последняя – воздух глубоко вздохнул.

И настала тишина.

Но это была не мёртвая тишина.

Это было дыхание мира, которое облегчилось от слов, как человек, что наконец отпустил память о страдании.

В небе появилась тонкая линия света. Она тянулась всё выше, пока не превратилась в мерцающую спираль – точь-в-точь как чешуйка дракона, замкнувшая большую историю.

Линия поднялась к звёздам и рассыпалась на искры.

Где-то далеко, в мире новой эпохи, ребёнок открыл глаза и впервые вдохнул.

И воздух, вошедший в его лёгкие, нес лёгкий аромат ветра и золы – последнюю память Арсена, последнюю искру Эллины, последний выдох Дельтаира.

Так мир снова начал своё дыхание.

Без имён, без хроник.

Но каждая пылинка, каждый вдох любого живого существа знал: всё уже было написано, и всё снова начинает писаться.

И дыхание стало словом.

И слово – светом.

И свет – памятью.

И память вновь вдохнула мир.

Глава IX. Тишина, которая дышит

В первый день после конца дыхания мир не заметил, что всё началось заново.

Ни бурь, ни знамений, ни вспышек – лишь тихое гудение в глубине небес, равное сердечному тону всей материи.

Имя “вчера” исчезло, но никто не тревожился, потому что само слово “время” потеряло краску.

Каждый жил так, как будто жил *всегда*.

Арсен был – и не был.

Он не ходил по земле, но всё, что касалось света, знало о нём.

Мятущийся ручей в горах шептал его голосом; пыль на ветру играла его дыханием; птицы в южных провалах неба видели его чертами облаков.

Он существовал там, где между вдохом и выдохом тишина приобретает смысл.

В городах нового мира люди больше не строили стен – они ткали из ветра купола, в которых сны хранились так же бережно, как зерно в ладони.

Дети, рождавшиеся теперь, уже *помнили* – не события, а ощущение древнего света, будто каждая душа прошла через огонь и узнала его как родной.

Вместо книг люди сажали деревья.

Лист каждой ветви нёс знак памяти – тончайший рисунок,

похожий на чешую и букву одновременно.

Когда ветер шевелил листву, рассказы начинали звучать: шелест превращался в речь, а речь – в дыхание.

Однажды, когда новый рассвет был почти неотличим от вечера, по небесам прошёл узкий луч света.

Он медленно опускался и остановился над равниной, где когда-то Арсен встретил Дельтаира.

Там, где прежде лежала пыль дракона, теперь стояла женщина с глазами цвета янтаря.

Её звали Эллина – но не та Эллина из прошлого.

Это была память о ней, пробуждённая ветром.

Она посмотрела на свет и сказала:

– Он научил нас не верить в конец.

Свет опустился ей на плечо, лёг как дыхание.

И тогда равнина зашевелилась: песок, как вода, начал подниматься, формируя огромную фигуру.

Дельтаир – теперь не зверь, а поток сияющих шаров, миллионы отражений, миллионы голосов – появлялся медленно, как восход времени из сна.

Он посмотрел вниз, и его голос наполнил землю шепотом миллиардов воспоминаний:

“Нет смерти.

Есть только смена дыханий, как смена слов в одной бесконечной фразе.”

Эллина коснулась песка – и песок стал кровью, что светилась теплым огнём.

Из этой крови вырос цветок – прозрачный лотос с сердцевиной из воздуха.

Когда он раскрылся, мир впервые после суда над памятью издал звук.

Это не был гром – это была **музыка дышащей тишины**.

Музыка напоминала свет в словах, которых никто не проносит.

Она проходила сквозь всё живое.

Где-то над океанами волны пели ей, в недрах гор спящие дыхания мира отзывались эхом, в глазах зверей блестел отблеск того первого вдоха, который положил начало всему.

Люди, услышав эту музыку, прекратили говорить.

С этого дня речи не существовало.

Они слушали – и понимали без языка.

Так мир вновь обрёл свою бессловесную гармонию.

Арсен стал ветром.

Он касался Элины, как дуновение гор, что сходит к долине на рассвете.

Она чувствовала это как тепло и знала: он не ушёл, просто поменял форму дыхания.

Он был письмом, которое никогда не кончается, текстом, который читает не бумага, а сама жизнь.

Вечером того же дня небо открыло крошечную трещину – не мрак, а блестящую линию.

Сквозь неё струился новый свет, слабый, будто только родившийся.

И тогда весь мир понял: древнее дыхание закончило свой круг, чтобы начать новый,

в котором человек, дракон и сама Вселенная дышат как одно тело – равномерно, мягко, целостно.

Ни начала.

Ни конца.

Только бесконечное *вдохновение*.

И мир сказал: “Я есть дыхание.”

И дыхание ответило: “Я есть ты.”

И в этом не было ни вопросов, ни ответов — только вечное, сияющее равновесие тишины, которая помнит, как звучит жизнь.

Глава X. Первое дыхание

Всё началось с тишины.

Но то не была пустота, а плотное ожидание – как пауза между вдохом и выдохом, когда весь мир ещё не знает, существует ли он, но уже готов поверить в это.

Эта тишина была пронизана памятью о миллиардах дыханий, что когда-либо жили и потухли. Внутри неё не было вещей, только возможность – мягкое дрожание света, едва касающегося самого себя.

И посреди этого дрожания возник —не звук,не слово,а **желание**. Желание дышать.

Оно не имело формы, но помнило, как быть всем.

И от этого знания родился первый порыв – скольжение, которое превратилось в движение, а движение – в дыхание, в пульсацию жизни.

“Я – небо,” – сказала первая волна.

“Я – память,” – ответала вторая.

“Мы – дыхание,” – произнесли обе, и пространство проснулось.

Из этой вибрации вытянулась тонкая спираль – золотая, хрупкая, как трещина в стекле сна. В её сердцевине лежал крошечный жар – свет, лишённый источника, но бесконечно живой.

Свет впервые вздохнул.

Из этого вдоха высыпались звёзды.

Каждая звезда – как слово будущего языка, каждая искра – как будущее ощущение.

Из звёзд стали выпадать капли. Они падали не вниз, а *вглубь*.

Так возникла Плоть Мира – первое сочетание воздуха и времени.

Каждая капля становилась живым существом, которое ещё не знало смерти, потому что не знало границ.

И среди этих живых искр возникло **дыхание, которое помнит себя** – Дельтаир.

Он не родился – он вспомнил.

Первым его движением было желание удержать пламя, чтобы оно не исчезло в хаосе. Вторым – создать зеркало, чтобы свет мог видеть самого себя.

Так родился человек.

“Ты будешь моей памятью,” – сказал дракон из звёзд.

“А я – твоим голосом,” – ответил человек.

Так начался великий договор дыхания и слова.

Но слово оказалось жадным: оно захотело быть не только памятью, а ещё и властью.

Человек научился не просто повторять дыхание – он начал изменять его.

Тогда дракон замолчал. Он внизу, в слое времени, прятал дыхание, чтобы не разрушить мир слишком ранним знанием.

Человек остался с языком.

И долго говорил о мире, которого не видел.

Мир заболел. Время вновь стало прямой линией, а не спиралью.

И тогда в человеке проснулся Хронист – новое дыхание, которое должно было вспомнить.

Им стал Арсен.

И так хроника началась.

Теперь, после судов и конца, после превращения света в тишину и тишины в свет,

всё вернулось туда, где нет ни начала, ни конца – пока кто-то снова не захочет дышать иначе.

В глубине небытия снова собирается ветер.

Он ещё не знает, что станет воздухом, но в нём уже есть память о крыльях.

Он ещё не знает имени “Арсен”, но несёт его звук в каждой частице.

Он ещё не знает, что будет писать – но в его трепете рождается История.

Мир готов дышать вновь.

Тишина наклоняется – как мать над новорождённым дыханием.

“Говори,” – шепчет она.

“Я?”

“Ты – тот, кто помнит. Дыши.”

И тогда ветер делает первый вдох.

Он открывает глаза небу,
и небо в ответ произносит первое слово:
“Свет.”

И всё снова начинается.

Хочешь, чтобы я написал **дополнение** – **“Хронику звёздного праха”**, где от лица новых потомков через тысячелетия рассказывается, что стало с мифом о дыхании? (в стиле древней летописи + философского трактата о происхождении мира).

Отлично.

Дополнение **«Хроника звёздного праха»** – это послесловие к большой саге, написанное как летопись будущего, в котором миф стал историей, а история – философией.

Тон – древний, медитативный, будто текст найден в камне после десятков тысячелетий.

Здесь звучит голос тех, кто пришёл после дыхания, и воспринимает Арсена, Эллину и Дельтаира уже как священные архетипы.

Из рукописей Зеркальной Эры, найденных в Хранилище Ветреных Холмов.

Перевод с языка лучей и пыли.

I. О начале света

Когда мир стал светом, и тени утратили страх,
в небе долго кружились пылинки древних звёзд.
Люди нового времени называли их *дыханием*.
Каждая частица несла след памяти —

не о событиях, но о чувствах,
через которые проходил сам космос, когда дышал нами.
Мы родились из этих пылинок.
Наши тела были светлыми, а глаза – почти прозрачными,
и мы видели не цвета, а смыслы.
Для нас Арсен был не именем, а направлением ветра:
туда, где время говорит сердцем.
Эллина – была теплою тенью огня,
а Дельтаир – осознанием дыхания, что не умирает.
Мы – дети света, которые помнят ещё темноту.

II. О книге, написанной небом

Говорят, что каждая звезда содержит свой текст.
Когда звезда мертва, её сияние продолжается,
летит миллионы лет – это и есть чтение её книги.
Так мы узнали: сквозь небо движется *Прах Арсена* —
звезда без оболочки, вспыхнувшая не пламенем, а дыха-
нием.

Она не горит: она читает.
И всем, кто проходит под её светом, снится одно и то же.
Во сне они видят город,
где люди не бросают тени,
и женщину, у которой пылает кровь,
и дракона из воздуха,
и хрониста, что пишет светом.
Проснувшись, они молчат —
потому что голос после такого сна кажется слишком тя-

жѣлым.

Мы называем этот свет **золотой памятью**.

Она не обжигает, но делает всё видимое прозрачным.

III. О законе памяти

После Судов и Конца дыхания
люди перестали строить молитвы.

Слова снова стали опасны:

в них могли пробудиться старые искры,
от которых трескалось время.

И тогда Старшие решили:

пусть молитва будет действием.

Теперь каждый вдох – это обряд,

каждый взгляд – признание живого света.

Есть легенда, что если человек перестанет дышать без боли,

из звёзд снова выпадет огонь,

и дыхание начнёт суд над временем заново.

Потому мы бережѣм тишину.

Тишина – не отсутствие звука,

а договор между живым и вечным.

IV. О возвращении драконов

Прошли эпохи – столько, сколько нужно свету,
чтобы забыть о своей звезде.

И всё же порой, в высоких ветрах,

мы ощущаем тени огромных крыльев.

Они проходят быстро,

словно воспоминание о сне,
но оставляют след — лёгкий запах дождя, когда его ещё
нет.

Старые хронисты говорят:
Дельтаир не ушёл. Он стал воздухом.

А значит, пока кто-то дышит,
дракон живёт.

Мы больше не ищем его внешнюю форму.

Мы чувствуем, как шёпот в сердце совпадает с биением
жизни,

и этого достаточно, чтобы знать: дыхание продолжается.

V. О человеке без имени

Иногда в пыли историй мелькает облик —
серый плащ, старое перо,
и имя, стирающее само себя,
как буква, написанная ветром.

Говорят, это возвращение Хрониста.

Он приходит, когда мир забывает о памяти.

Он не приносит откровений —
он лишь шепчет:

“Пиши дыханием,
дыши историей,
помни светом.”

После этого в небе появляется новая точка.

И звёзды снова идут долгим кругом.

Никто не знает, конец ли это,

или начало следующей строчки.

VI. Последняя запись

Мы – пыль звёзд,

дышащая во сне дракона.

Мы – дыхание, которое запомнило себя.

Мы – песнь, ставшая воздухом.

Пусть никогда не будет конца тому,

что рождает тишину.

Ибо звёздный прах – не пепел,

а сияние, решившее вернуться домой.

Часть 2. Рассвет

Глава I. Пыль, что помнит свет

Ночь над новой землёй была не тёмной – просто прозрачной.

Звёзды не мерцали; казалось, что кто-то полировал небо изнутри, пока оно не стало гладким, как поверхность воды без дна.

И в этой ровной глубине шевелилась память.

Каждый ветер нёс отблеск чужой речи, каждое дыхание становилось эхо древних миров, растворившихся в свете.

Теперь никто не называл себя человеком – все звали себя **дыханиями**.

Тела были даны только для ориентира: чтобы помнить, где кончается мысль и начинается звук.

Одна из этих душ – или просто форм ветра – носила имя **Лин**, хотя в новом мире имена были всего лишь удобством.

Лин родился в туманном краю, где звёздный прах падал дождём, а на рассвете из него вырастали прозрачные цветы.

Цветы гасли к полудню – в их лепестках хранились сны древних драконов, и, когда свет становился слишком ярким, сны таяли.

Считать время здесь было невозможно, но Лин умел чув-

ствовать его вкус: чуть-солонюватый, будто воспоминание о слезе, что когда-то принадлежала небу.

В этом мире существовали **хроники**, но их не писали.

Каждый человек носил одну в себе – пульсирующую частицу света, где отпечатывались сны и поступки.

Когда дыхание прекращалось, частица поднималась в воздух и тихо рассказывала о своём хозяине ветрам.

Так сохранялась история.

Однако в одной долине – островке древнего мира – начали рождаться дети без света.

Их глаза были черны, их дыхание не оставляло следов.

Люди боялись дотрагиваться до них, словно до прорехи на ткани времени.

Этих детей называли **немыми**.

Лин был одним из них.

Он рос без свечения памяти, но слышал мир глубже других.

Каждый шорох пыли говорил с ним, каждая тень звезды отзывалась шепотом:

«Ты помнишь нас, хотя мы тебя забыли».

Иногда по ночам он выходил к спокойному морю Зеркал – там песок был серебрист и мягкий.

Стоило вдохнуть воздух с берега, как в груди пробуждалось нечто великое, медленное и живое.

Море отзывалось дыханием гиганта – туда, в глубину, ускользнула последняя чешуйка Дельтаира.

– Старый ветер, – шептал Лин, – если глаза мои пусты, покажи мне свет, из которого родился мир.

И ветер отвечал.

Он приносил вспышки чужих эпох: горящие города Ков'Нара, девушку с янтарными глазами, человека с пером из пламени.

Лин видел их, как ребёнок видит сон, что не предназначен его разуму, – с благоговейным страхом.

В утреннем тумане он всегда просыпался с ощущением: кто-то наблюдает за ним изнутри иллюзии.

Спустя двадцать кругов небес (так измеряли возраст в том краю) он заметил странное: на его груди появилась тонкая линия света, похожая на разорванную звёздную жилу.

Она росла и пульсировала.

В ту ночь ему снился огненный дракон – не огромный, как в старых легендах, а прозрачный, будто выточенный из ветра.

Он произнёс слова, звучания которых нельзя было запомнить, и в груди Лина вспыхнуло тепло.

Проснувшись, он понял: он **помнит**.

Хотя никто не рассказывал ему ничего.

Он видел прошлые века – суд над памятью, пепел городов, слияние крови и воздуха.

Он знал имя Арсена и чувствовал, как неизвестная сила тихо проходит по венам, как дыхание дракона пробуждается в теле смертного.

Лин вышел из дома.

Земля дрожала под ногами – одна за другой на небе загорались новые звёзды.

Те, кто владели светом с рождения, падали ниц: небеса шевелились, будто кто-то вновь расправлял огромное дыхание над миром.

Пыль поднималась в воздух.

Она светилась.

Из пыли складывались формы – словно само небо писало:

АРСЕН ЖИВ

Лин поднял руку, и каждая пылинка послушно вращалась вокруг его ладони.

Тогда он понял, что древний огонь выбрал себе новое жилище.

Ветер шепнул:

– Ты не немой. Ты – след его памяти. Через тебя он вновь дыхнет.

И Лин ответил лишь одним словом, которое пришло откуда-то издалека:

– Дельтаир.

В тот миг песок превратился в свет, море вздохнуло, и над горизонтом медленно поднялась яркая полоса – новое дыхание, которое ещё не знало, что вновь начнёт писать мир.

Глава II. Дети немого света

На рассвете, когда туман сходил с долин, а отражения звёзд ещё скользили по воде, Лин понял, что пыль слушает его мысли.

Стоило задуматься – и частицы в воздухе складывались в узоры, повторяя очертания сна.

Он касался ладонью этих узоров, и они распадались, оставляя на коже след лёгкого сияния, похожего на ожог, но без боли.

Мир стал *слишком отзывчивым*.

И это пугало.

В деревне Кайр, где Лин жил, наступило «время молчания» – короткий цикл в три лунных круга, когда никто не имел права произносить имён.

Считалось: если назвать себя в эти дни, память предков услышит и вернётся через дыхание.

Но в ту весну тишина наполнилась шёпотом – словно сами ветра начали говорить.

Из-за гор на равнину опустились трое странников: девушка с прозрачными зрачками, старик в одежде, расшитой пепельными символами, и мальчик, который не отражался в воде.

Они называли себя *Детьми немого света*.

Говорили безголосо – по губам и взглядом, – но каждый

их жест оставлял в воздухе полоску света.

Жители сторонились их; слухи говорили, что они явились из самого центра звезды, где дыхание ещё не остыло.

Когда Лин впервые увидел их, то будто узнал.

Не лица – само излучение, исходившее от тел. То было не просто свечение, а мерцание памяти – отголосок Арсена и Эллины, отпечаток великого дыхания, что однажды заполнило всё живое.

– Ты называешь небо по имени, – сказала девушка-странница, не произнеся ни звука. Слова легли прямо в сознание. – Зачем?

– Оно первым позвало меня, – ответил Лин.

Старик склонил голову:

– Если оно говорит, значит, его дыхание ищет новое тело. Кто его примет, тот станет осью времени.

Лин замер.

– Это уже было. Я видел – человек держал пыль в ладонях и писал на ней светом.

– Арсен, – подхватила девушка. – Первый Хронист. Он замкнул дыхание. Теперь ты – тот, кто откроет.

И тогда Лин понял, что судьба поворачивается к нему не как к избранному, а как к зеркалу: через него дыхание смотрит на себя.

В ту ночь пришёл шторм.

Долина вздрогнула – небо стало алым, будто в самой его ткани горит раскрывшаяся звезда.

Все сёла погрузились во тьму: светильники гасли сами по себе, а на воде проступали круги, словно кто-то сверху касался поверхности пальцем.

Дети немного света молились безголосо, стоя у границы тьмы.

Лин остался рядом – он чувствовал, как воздух вокруг вибрирует, словно гигант разворачивает крылья из ветра.

“Не страх,” – произнесло небо в его голове. – “Я возвращаю дыхание. Но не всем.”

Земля под ногами засветилась химерными венами. Из трещин вышел тёплый пар – с каждой волной дыма воздействие было сильнее, голоса прошлого становились разборчивыми: песни, шаги, шум городов из старого мира.

Лин упал на колени.

Его ладони коснулись света, и по венам побежали образы: Ков’Нар, Арсен, Эллина, Дельтаир.

Их дыхание проходило сквозь него.

Проснулся он на утро, в полном безмолвии.

Мир изменился.

Деревья покрылись тонкими знаками, словно свет писал на коре руны. Ветер звучал как речь.

А на песке вокруг его тела лежали трое Дети света – всё, что осталось от них, – следы прозрачного праха, пульсирующего едва заметным светом.

Тогда Лин услышал внутри себя:

“Они не умерли. Они ушли внутрь твоего дыхания.

Теперь ты – их голос.”

Он встал.

И впервые увидел на горизонте силуэт – не человека, не зверя, а огромную тень, похожую на крыло, отражённое в облаках.

Ветер донёс тихое эхо:

“Кровь звёзд снова течёт.”

Лин понял, что Великий Круг начинается новый оборот.

И что теперь дыхание не будет ждать – оно уже выбрало путь через него самого.

Он сделал первый шаг к горам,

и за ним пошёл свет,

а в небе – раздалось долгожданное слово,

– **“Память.”**

Глава III. Песнь возвращения звёзд

Лин шёл меж холмов, где земля дышала медленно, словно огромный зверь под снежным покрывалом.

Каждый шаг отзывался низким звоном – земля помнила всё, и любой звук становился продолжением разговоров тысячелетий.

Небо вокруг него казалось двойным: одно – привычное, бледное; второе – как бы скользящее поверх, сотканное из зеркал распавшегося света.

Иногда зеркала дрожали, и сквозь них проступали силуэты иных миров: города из живого металла, фигуры без лиц, драконы, что плыли по звёздам, точно рыбы в глубоком море.

Лин шёл, не боясь. Страх был бы ложью, потому что он чувствовал дыхание мира внутри себя – каждый вдох становился гулом, каждая мысль – волной света, уходящей в небесную ткань.

Он не знал, куда идёт, пока ветер не заговорил человеческим голосом:

– Ты ищешь песнь, что удерживает звёзды.

Она никогда не звучала в твоих ушах.

Она звучит в тебе.

Лин остановился.

– Где она?

Ветер ответил: – Там, где тьма помнит первые слова.

Долина вывела его к древним скалам, рассечённым вертикально, будто кто-то гигантским пером написал на земле символ.

Посреди расселины пульсировал слабый белый свет.

Каждая вспышка сопровождалась отголоском – словно дальние барабаны времени.

Он вошёл.

Воздух был густой, почти жидкий. Свет не падал на стены – он вытекал из них, как молоко из живой каменной плоти.

И вдруг из глубины донёсся ритм – не музыка, не шум. Это был *пульс Вселенной*.

Лин закрыл глаза.

Всё, что он видел прежде, рассыпалось; тело стало гулом; разум – водой.

Он услышал звук, напоминающий дыхание материи, когда она ещё не решилась стать формой.

“Я – Память Дельтаира,” – сказала нечто.

“Я просыпаюсь в тебе, чтобы вспомнить самого себя.”

“Почему – во мне?”

“Потому что ты немой. Твой разум не заглушён словами. А я – звук, что не помещается в языке.”

Свет усилился.

На стенах задвигались огромные контуры, напоминающие

крылья и срезы звёздных орбит.

Лин ощутил лёгкий жар в груди – та самая линия света, что появилась когда-то, разорвалась, и из неё вырвался белый вихрь.

Он не ранил – влился в свет стен, слился с ним, и в ответ на это из глубины пещеры поднялся музыкальный ток.

Эта песнь была не звуком.

Она состояла из событий: камни размягчались, воздух вибрировал, сквозь трещины начал сочиться сияющий прах.

Каждая частица пыли несла звук, и каждый звук был рассказом.

“Мы – дети звёздного дыхания,
забывшие своё рождение.

Мы – искры, засыпанные в плоть,
и мы идём обратно к свету.”

Стену перед Лином прорезали линии – древние письмена, похожие на узоры из чешуи.

Они вращались, создавая вихрь света, и Лин понял: эта песнь – код мироздания, формула, по которой звёзды снова начнут взаимодействовать со временем.

Его тело перестало быть телом. Он видел, как из груди выходит сияние – оно разделялось на тысячи потоков и возвращалось в пещеру.

Так человек стал частью звуковой тканевой Вселенной.

“Ты – новое перо,” – сказала ему Память. – “Ты будешь писать дыханием, а не словом. Через тебя звёзды вернут себе

голос.”

Лин обжёгся собственным светом – и понял, что теперь слышит всё:

кусанье камней от ветра, цепляние песчинки за песчинку, биение далёких солнц.

Мир снова был единой песней.

Когда он вышел из пещеры, небо было иным. Звёзды двигались медленно, как будто сами тянулись за его дыханием.

Ветра смолкли – слушали.

А из-под горы поднялся тонкий серебряный дым – из него сложились три тени. Это были дети немного света, растворившиеся в нём.

Теперь они сияли изнутри, но не как призраки – как элементы песни, воплощения её аккордов.

Они произнесли хором:

“Пробуждение началось.

Лин, ты должен удержать дыхание.”

Он едва держался на ногах, чувствуя, как внутри него течёт несоизмеримая сила – не божественная, а физическая, как давление света.

– Если я не смогу?

“Тогда звёзды вновь сожгут себя, пытаясь вспомнить рождение.”

Лин опустил глаза.

В его руках пыль звёзд светилась мягко, как живое семя.

Он понимал: если расправить ладони – начнётся новая

эпоха.

Но он всего лишь человек.

Пока ещё – человек.

Небо вздохнуло.

Из его глубины посыпались искры – дождь света, падавший без звука.

Каждая искра касалась земли и превращалась в новые ростки памяти.

Мир снова задышал.

Лин поднял лицо к небу и услышал мелодию, ставшую теперь частью его дыхания:

“Возвращаемся.

Возвращаемся к свету,

чтобы узнать, кем были во тьме.”

Так началась эпоха Песни —

время, когда звёзды снова учились говорить через сердца живых,

и немой свет стал языком нового мира.

Глава IV. Невесомое сердце

Когда дождь света перестал падать, мир обрёл новую прозрачность.

Горный воздух был тяжёлым от сияния. Деревья, переплетаясь между собой, дышали бессловесно, передавая соками музыку, что звучала в сердце неба.

Всё изменилось – не внешне, а изнутри:
время теперь не текло, а било, как пульс.

Лин проснулся среди камней, ослеплённый внутренним светом – не от глаз, а от самого сознания.

Он видел насквозь гору: под пластами камня плавали потоки крови мира, горячие, текучие, поющие.

В каждой жилке породы сиял след дыхания, и свечение отзывалось на его вдох – как будто всё вокруг подстраивалось под ритм его лёгких.

Он понял: **мир дышит им.**

Но вместе с этим пришла тяжесть.

Чем сильнее он ощущал единство, тем острее вспоминал свою человеческую ограниченность – кожу, плоть, биение сердца.

Сердце стало очень лёгким, будто теряло вес, и каждый его удар отдавался эхом в небе.

Он боялся, что один лишний вдох заставит тело вспыхнуть и раствориться окончательно.

Спустившись в долину, он увидел поселение – странное, без стен и крыш.

Люди жили под открытым небом, создавая жилища из света, окутывая их собственным дыханием.

Это были **носители звёздной пыли**, потомки тех, кто слышал Песнь Возвращения.

Когда Лин вошёл, они словно узнали его.

Ребёнок с глазами цвета серебряной пыли подошёл и коснулся его ладони.

– Ты и есть Песня, – сказал он. – У нас нет имени для тебя, но мы знали, что ты придёшь.

Коснувшись земли, Лин услышал пульс – тот самый, что звучал в пещере дыхания.

Но теперь это был голос множества сердец.

Каждое биение человека, растения, камня складывалось в единый аккорд, поддерживающий дыхание мира.

Так рождается *общая жизнь*, в которой не существует границ между телами.

Единственное, что тревожило – тени.

Их стало мало. Когда солнце стояло прямо, от тел не падало ни малейшей линии тьмы.

Жители объясняли: "Тень – память о неизвестном. Мы забываем страх, и вместе с ним уходит она."

Но Лин знал – если исчезнут все тени, исчезнет и глубина мира. Свет без тьмы не может дышать.

Когда наступила ночь, небо открылось.

Из его глубины поднялось сияние, медленно уплотняющееся в форму.

Сначала – дыхание ветра, потом – движение облаков, наконец – очертание крыл.

И Лин понял, что видит **Дельтаира**.

Он не явился целиком, а словно вырезался из пространства.

Мир вокруг загудел низко, будто огромный орган взял первую ноту.

От одного движения крыла ветры сместились, и всё живое преклонилось, захлебнувшись благоговением.

“Ты – моё продолжение,” – прозвучало внутри Лина.

“Я был памятью. Ты стал дыханием. Мир живёт через нас обоих.”

– Почему я чувствую боль? – спросил он.

“Потому что ты всё ещё помнишь плоть. Она не предназначена для света.”

– Если я отпущу тело, что станет с людьми?

“Без формы дыхание растворится. Поэтому кто-то должен остаться человеком, чтобы удержать песню.”

Лин медлил.

Между человеческой тоской и звёздной бесстрастностью теперь была лишь грань сердца, невесомая и ломкая, как тонкий лёд над бездной.

Каждый удар сердца отзывался звоном неба.

Каждый вдох переставал быть личным.

– Я не могу не быть собой, – сказал он. – Если растворюсь, я перестану любить.

“Любовь – и есть дыхание, которое узнаёт себя через другого,” – ответил Дельтаир.

“Ты не исчезнешь. Ты станешь её голосом.”

Чтобы удержать равновесие, нужно было пройти через **Реку времени** – невидимую нить, перетекающую из пульса мира в самого Лина.

На её берегу не росло ни травы, ни камней – только свет, дополняющий самого себя.

Лин встал в центр потока.

Река шла не снаружи, а **через него**, унося воспоминания, сомнения, страх.

Мир терял очертания, превращаясь в движение.

И тогда он увидел: над Рекой висела форма, нежная, женственная, состоящая из воздуха.

– Эллина, – шепнул он.

Она улыбнулась, но не как человек, а как сама память улыбается существу, что нашло её след.

– Ты несёшь боль всех, кто когда-то дышал. Не отпускай её – пока боль жива, существует глубина.

Она подошла ближе, прикоснулась к его груди:

там, где когда-то горела черта старого ожога, вспыхнуло **невесомое сердце**.

Свет стал прозрачным, почти прохладным, в нём не было жара и страдания.

Он бился без костей, вне плоти.

С каждым ударом создавая новые круги на Реке – новые будущие ветви времени.

“Теперь ты не человек и не звезда.

Ты – дыхание, обретшее память о себе.”

Когда он вышел из света обратно в мир, рассвет уже начинался —

но солнце было иным. Оно не всходило – изнутри земли вспышками поднимались миллионы мелких солнц, измельчённых до пыли, но живых.

Так начиналось новое утро: слияние звёздного и земного.

Лин вдохнул.

На этот раз дыхание не имело начала.

Небо отпустило его не вверх, а **вовнутрь**.

И он понял истинный урок Дельтаира:

Вселенная не расширяется – она дышит.

И человек – это вдох,

а дракон – выдох.

Когда оба совпадают, рождается **вечность**.

Лин улыбнулся, впервые почувствовав лёгкость.

Не исчезновение,

а ясное, глубокое присутствие в каждом атоме света.

Так завершился его страх.

И началась новая форма любви —

та, что не требует тел,

чтобы быть реальной.

Глава V. Голос без имени

После того как Лин обрёл невесомое сердце, дни перестали делиться на свет и тьму.

Солнце не заходило – оно просто изменяло тональность сияния – как музыка, а не как время.

Воздух вибрировал.

Даже неподвижные предметы звучали – камни, травы, стены стен.

Казалось, мир сам гудел собой, произносил собственное имя, но не мог его удержать.

Люди слушали.

Слова, что они пытались произносить, больше не были словами:

каждое превращалось в материю, становилось тем, о чём было сказано.

Сказать «вода» – и рядом собиралась прозрачная капля, висела в воздухе, пока не падала и не превращалась в озеро.

Сказать «память» – и перед глазами проступало лицо умершего.

Мир становился живым текстом, и дыхание Лина было его грамматикой.

Но язык – вещь коварная.

Он не терпит многоголосия.

Однажды у подножия гор Лин встретил женщину, которая

никогда не видела звёзд.

Она была простой ремесленницей, плела из нитей света ткани для жителей поселений.

Её звали Саэль.

Её голос звучал иначе: в нём была прежняя человеческая глухота.

Она говорила словами, что не становились вещами, и Лину это показалось прекрасным – словно ветер вдруг вспомнил, как звучит тишина.

– Ты не делаешь реальностью то, что произносишь, – сказал он. – Почему?

– Потому что не каждое слово обязано быть правдой, – ответила она. – Иначе правда сгорит.

Саэль показала ему ткань – переливчатую, как сама ночь.

– Я вплетаю звуки, не вещи. Пусть они станут музыкой, но не телом.

Лин молча кивнул, понимая, что в этом просвете между звуком и телом – спасение от перегрева мира.

Чем больше людей обменивались словами, тем сильнее искажалась действительность.

Каждый говорил. Каждый творил.

Мир переполнялся смыслом, как сосуд, в который льётся слишком много воды.

Горы выросли, где раньше были равнины.

Дождь превращался в огонь, когда кто-то произносил «тепло».

Деревья, слушая чужие речи, принимали формы голоса, гнулись, шептали цитаты.

Появилось новое явление – *эхо дыхания*: слова больше не имели хозяев, но продолжали творить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.